Исторический вестник. Сакральная география Ближнего Востока. 2024. Т. XLVIII.
DOI: 10.35549/HR.2024.2024.48.001

П.В. Кузенков

ИМПЕРИЯ-ВСЕЛЕННАЯ И ЕЕ АРЕАЛ. О ПРИЛОЖЕНИИ КОНЦЕПТА ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ К ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

Постановка проблемы

Политическая география, как она понимается ныне, имеет дело с более или менее четким разделением территории, сухопутной и морской, между политическими субъектами, понимаемыми как суверенные государства. Эта традиция политико-географической детерминированности восходит к XVII в. (так называемая Вестфальская система) и имеет корни в специфическом устройстве Западной Европы Нового времени, рождавшемся в условиях весьма кровопролитного конфессионального распада западнохристианского мира. Между тем ни в Средние века, ни в Античности ничего похожего на эту систему в Европе не существовало. Тем более не было ее ни в Азии, ни в Африке — где до сих пор модель национального государства приживается с большими сложностями. В данной статье будет рассмотрена римско-византийская концепция о сакрально-политической природе имперского пространства, которая реализовывалась, в частности, на территории Северного Причерноморья.

Империя-вселенная

Ключевым концептом для понимания представлений о государственности в римской и византийской политической доктрине является понятие «вселенной», или «круга земель» (*греч.* οἰκουμένη/ойкумена, *лат.* orbis terrarum). Греческий термин ἡ οἰκουμένη, являясь субстантивированным причастием от глагола οἰκέω «проживать, обитать», этимологически обозначает «населенную часть суши», противостоящую необитаемой части земли[1]. Помимо этого исходного географического значения оно рано обрело и более общее — «весь мир».

Именно это значение передает славяно-русская калька «вселенная», имеющая библейское происхождение. В греческой версии Ветхого Завета (Септуагинте) словом οἰκουμένη / «вселенная» переводится древнееврейский художественно-поэтический термин *tēḇēl* «мир»[2]. В Новом Завете, в Евангелии от Луки, диавол искушает Иисуса Христа, показывая Ему «все царства вселенной (τῆς οἰκουμένης)» и обещая власть над ними (Лк. 4:6). Но у того же апостола Луки мы находим иные, более узкие значения данного термина: 1) «эллинский» мир, почитающий языческих богов (Деян. 19:27); 2) Римская империя, в которой Цезарь Август проводит перепись населения (Лк. 2:1).

Латинский аналог греческого термина, «orbis terrarum», в своем специфически политическом значении восходит непосредственно к самому основателю Римской империи. В заглавии автобиографических «Деяний божественного Августа» главным результатом этих самых деяний (res gestae) обозначено подчинение «круга земель (orbis terrarum)» власти (imperium) римского народа[3]. С этого времени формула «вселенная = Рим» превращается в важный элемент политической доктрины, находящий отражение не только в литературных текстах, но и в официальных государственных актах. Так, в «Корпусе гражданского права» Юстиниана Великого можно найти немало примеров как латинского, так и греческого обозначения Римской империи как «вселенной»[4].

---

1 *Liddell H.G., Scott R., Jones H.S.* A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996 (9 ed.). P. 1205.

2 Вероятно, заимствование из аккадского *tabalu* «суша, материк». *Klein E.* A Comprehensive Etymological Dictionary of the Hebrew Language for Readers of English. Jerusalem; Tel Aviv, 1987. P. 689.

3 *Шифман И.Ш.* Цезарь Август. Л., 1990. С. 189.

4 *Lanciotti F.* Lo spazio romano nella terminologia giuridica delle fonti giustinianee in lingua latina // Popoli e spazio romano. P. 351–363.

Император Юстиниан I. *Мозаика из церкви Сан-Витале. Равенна*

Следует учитывать, что данное отождествление являлось не только развитием художественной гиперболы, но и в определенной степени отражало политическую реальность. Римская империя, действительно, имела, по сути, только одну в полном смысле слова межгосударственную границу — на востоке с Парфянским, а затем Сасанидским Ираном. Ранняя Византия унаследовала эту «биполярную» картину политического мира, в которой место Ирана вполне органично занял исламский Халифат[5].

Иллюстрацию позднеримских/ранневизантийских представлений об устройстве «вселенной» можно найти в трактате анонимного «философа Юниора» под названием «Полное описание вселенной и народов»[6]. Это сочинение, датируемое серединой IV в. и отражающее любопытный синтез антично-языческих и христианских представлений о мироустройстве, начинается с баснословных «справок» о полумифических народах Востока, не имеющих государственности; затем автор кратко говорит о Персидском царстве, после чего переходит к описанию разных регионов Римской империи, посвящая им

[5] По принципу «двух мировых держав» — Римской/Византийской и Персидской, а затем Арабской — построена, например, «Хронография» Феофана Исповедника (811 г.): Theophanis Chronographia / Ed. C. de Boor. Leipzig, 1883. Passim.

[6] *Полякова С.В., Феленковская И.В.* Анонимный географический трактат «Полное описание вселенной и народов» // ВВ. 1956. Т. 8. С. 277–304.

⅘ своего сочинения. Как видим, более или менее образованные римляне (ромеи) эпохи становления христианской Империи прекрасно знали о существовании на земле и других, многочисленных и богатых, народов, но с цивилизационной точки зрения (в политическом и культурном смысле) не видели у своего государства достойных внимания конкурентов и были склонны рассматривать «вселенную» преимущественно как римский мир, окруженный варварскими народами. А поскольку лишенные государственности варвары по определению не могли иметь устойчивых государственных границ, то практически на всех направлениях, кроме восточного, Империя определяла свои границы, исходя исключительно из баланса своих собственных возможностей и выгод. По сути, эти границы обозначали не столько территорию государства, сколько пространство цивилизованного мира, и расширение этого пространства рассматривалось римлянами не только как подчинение, но и как «окультуривание» варваров. Области, примыкающие к охраняемым границам Империи (лимесу), формировали своего рода контактную зону, в которой находились зависимые от Рима государственные образования (такие как Херсонес, где стоял римский гарнизон, или Боспорское царство, правители которого со времен Августа неизменно носили титул «Филокесарь Филоромей»[7]), подвергавшиеся «романизации» или «эллинизации» полуварвары и откровенно враждебные варварские народы, с которыми Империя вела перманентную войну. Важнейшим признаком цивилизации являлись города. В этой связи особенно любопытно, что крайними «населенными пунктами» в географических познаниях жителей Империи в II–IV вв. на северном направлении были загадочные Алтари (*греч.* Βωμοί, *лат.* Arae) двух великих творцов позднеантичной цивилизации — Александра Великого и Цезаря Августа: на карте Клавдия Птолемея они имеют координаты, примерно соответствующие нынешнему положению Твери и Москвы[8].

Говоря о границах Римской империи, следует всегда помнить о том, что она не была похожа на современные государства, поскольку никогда не была исключительно политическим образованием. Уже у Вергилия в «Энеиде» (19 г. до н.э.) была сформулирована главная историческая миссия римского народа, как она понималась идеологами ранней Им-

---

7 Буквально, «друг Цезаря и друг римлян». Впервые титул принял Асандр (47–17 гг. до н.э.).

8 Klaudios Ptolemaios. Handbuch der Geographie / Hrsg. G. Grasshoff, A. Stückelberger. Basel, 2006. S. 304; ср. Ammianus Marcellinus. Res gestae, XXII 40.

перии, где помимо искусства «империем править народами» и «смирять наглых войной» обозначена и задача «paci imponere morem» (Eneis, VI 852–853), что, говоря современным языком, означает нечто вроде «налагания нравственных норм посредством принуждения к миру»[9].

Империя и христианский универсализм: от гонений к «симфонии»

Для исторического процесса оказалось судьбоносным то обстоятельство, что представление о нравственно-политической, «цивилизаторской» миссии Рима родилось практически одновременно с новой мировой религией — христианством, которая ставила еще более амбициозную задачу: нравственное преображение всего человечества для последующего его перехода под непосредственное управление Бога в «Царстве будущего века». Однако для достижения этой цели Иисус Христос, явившийся в мир не просто как Сын Божий, но и как Царь-Мессия, запретил применять привычные инструменты юридического и военно-политического принуждения, но заповедал Своим ученикам действовать исключительно средствами проповеди, развернутой во всемирном масштабе (Мф. 28:19–20).

Взаимные отношения двух универсалистских этических парадигм, римской имперской и христианской церковной, развивались сначала в форме жесткой конфронтации и периодических жестоких гонений на Церковь, но затем, в результате христианизации римского общества на фоне политического кризиса Империи и религиозно-культурных деформаций греко-римского мира, перешли в фазу взаимного дополнения и сотрудничества. Под воздействием христианской церкви, победившей Римское государство в борьбе за роль нравственно-религиозного учителя, античная цивилизация довольно стремительно (в IV–V вв.) трансформировалась в цивилизацию христианскую, наиболее устойчивую форму которой мы знаем как византийский (православный) мир. Византия унаследовала от Римской империи идею цивилизаторской

[9] Virgil / Ed. and transl. by H. Rushton Fairclough. Vol. I. London; New York, 1916. P. 566–567. Мы придерживаемся предложенного в данном издании чтения «pacique imponere morem» (в переводе: «to crown Peace with Law») как более точно соответствующего политике Августа, чем вариант «pacisque», отраженный в переводе С. Ошерова (Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Художественная литература, 1979. С. 263).

Христос Пантократор. *Мозаика из церкви Сан-Аполлинаре Нуово. Равенна*

экспансии, переосмысленную в терминах христианской миссии, осуществляемой Церковью при поддержке и под опекой имперских институтов.

При императоре Юстиниане I (527–565) окончательно оформилась «византийская» религиозно-политическая доктрина, в которой императоры в Константинополе — Новом Риме, осознавая себя правителями единой и единственной Римской империи[10], принимали на себя и определяемую христианской эсхатологией роль наместников Царя царствующих — Христа. Империя римлян-ромеев одновременно была и царством «христоименного народа» (т.е. христиан), представляя идеальный образ всемирного (универсального) государства, призванного, по Промыслу Бога, стать переходным звеном между подпавшими еще в древности под власть диавола царствами «мира сего» и грядущим вечным Царством Божественного Всецаря — Христа.

Характерно, что концепция Империи как вселенской сакральной государственности хотя и коррелирует, но далеко не совпадает с идеей «вселенской» церковно-канонической юрисдикции. В Римской импе-

[10] В этой связи отметим, что нередко прилагаемое к Византии название «Восточная Римская империя» относительно адекватно лишь для периода до 395–476 гг., поскольку позднее императоры в Константинополе не признавали никакой иной Римской империи, кроме своей собственной.

рии в IV–V вв. оформилось сразу несколько так называемых автокефальных (независимых) Церквей, крупнейшие из которых — Римская, Константинопольская, Александрийская, Антиохийская и Иерусалимская — получили с середины V в. название «патриархатов» и были официально признаны в качестве «вселенских», т.е. представляющих в совокупности церковную полноту всей вселенной-империи[11]. Именно на общеимперский (а не на всемирный) характер указывает название «вселенский собор», применявшееся с IV в. к чрезвычайным съездам епископата, которые время от времени инициировались высшей верховной светской властью для решения общецерковных вопросов, имеющих государственное значение. Поначалу статус «вселенского» тому или иному собору придавался форматом его созыва — общеимперским, в присутствии всех пяти «патриархов вселенной» или хотя бы их представителей. Однако после ряда скандальных решений, оказавшихся неприемлемыми для Церкви как еретические, звание «Вселенских» было оставлено только за семью Соборами, проходившими с 325 по 787 г. либо в самом Константинополе, либо в близлежащих городах (Никее, Эфесе и Халкидоне). В решении о признании за Собором статуса Вселенского неоднократно ключевую роль играли папы римские, которые, как епископы старшей имперской столицы, изначально пользовались особым авторитетом и официально были признаны первыми в пентархии[12]. Однако область канонической юрисдикции пяти «патриархатов вселенной» не совпадала с политическими границами Империи. С одной стороны, на ее территории существовали так называемые малые автокефальные Церкви (Кипрская, Карфагенская, Юстинианы Примы); с другой — миссионерская деятельность патриархатов приводила к появлению подчиненных им епархий за пределами Империи. Кроме того, вполне самостоятельные и древние Церкви существовали и в других государствах, в том числе в зороастрийском Иране, где также, несмотря на периодические гонения, происходило становление «общегосударственных» христианских церковных структур. Учитывая перманентное соперничество двух великих держав, неудивительно, что отношения Церкви Востока, оформившейся в Сасанидском Иране под бдительным контролем шаханшахов, и официальной «вселенской» Церкви Римской империи недолго оставались брат-

[11] Nov. 109; 123 // Corpus Iuris Civilis. Vol. III: Novellae / Ed. R. Schoell et G. Kroll. Berlin, 1954 (6 ed.). P. 518; 655–656.

[12] Conciliorum oecumenicorum generaliumque decreta. T. I. Turnout, 2006. P. 255.

скими и уже в V в. омрачились догматическим разрывом. Особенно драматично ситуация развивалась в римско-иранской «контактной» зоне, где государственная граница пересекала ареалы проживания народов одной культуры и одного языка и притом была подвержена подвижкам, неизбежным в условиях частых военных конфликтов. Это нередко приводило к трагическим «разворотам» конфессиональной ситуации: христианские группы, рассматривавшиеся в качестве «еретических» в рамках имперской Церкви, ориентирующейся на решения Вселенских соборов, оказывались вдруг доминирующими, получая поддержку со стороны Сасанидов (как это было с так называемыми антихалкидонитами во время персидской оккупации Сирии и Египта, в первые десятилетия VII в.); и наоборот, в случае территориальных приобретений Империи императоры начинали благоволить местным конфессиональным меньшинствам, призывая местную церковную иерархию к воссоединению с «вселенским православием» (как это было в Армении и Грузии в конце VI в., а на всем Востоке — после триумфа Ираклия, в 30-е гг. VII в.).

Католический мир как трансформ римско-христианской «вселенскости»

На Западе и Балканах цивилизаторская и миссионерская миссия Рима натолкнулась не на внешнюю преграду в виде сильного государства-соперника, а на внутриполитический фактор — германских федератов. Активное вовлечение соседних с Империей воинственных племен в военно-политическую структуру Империи, сопровождавшееся их приобщением к христианской религии и принятием верхушки в римскую элиту, не только не привело к «растворению» германского элемента в полиэтнической римской цивилизации, но и возымело самые плачевные последствия для судеб Западной империи. Христианизированные германцы, проникшие внутрь имперского организма в качестве союзников-федератов, отказались вписываться в очередной виток колебаний в доктрине официальной «кафолической» церкви и создали альтернативные церковные структуры, сохранив приверженность господствовавшему во время их крещения, но впоследствии осужденному арианскому учению. Как часть военной элиты, германцы-ариане были не подконтрольны имперскому полицейскому аппарату и открыто игнорировали решения Вселенских соборов, обзаве-

дясь собственной письменностью и переводом Священного Писания. В результате они оказались внутри Римского государства в атмосфере церковной, социальной и культурной изоляции, что резко снизило потенциал их цивилизационной ассимиляции. В результате германцы не только остались чуждыми «кафолической» церкви, но и охотно культивировали враждебность в отношениях с презираемым им римским социумом, в конце концов покончив с императорской властью. Вчерашние «хозяева вселенной» были опущены в созданных на руинах Западной империи германских королевствах на уровень полурабов, людей второго сорта (убийство или ограбление «римлянина» наказывалось намного менее строго, чем франка или лангобарда). Однако западная Церковь не только пережила крушение западной Империи, но даже, найдя новую опору в лице франкских королей, сумела восстановить конфессиональное единство западного мира и перейти к активной миссионерской программе. В VIII в. римские папы окончательно отмежевались от погрязшей в очередной волне догматических диспутов Византийской империи и стали формировать собственную «вселенную». С этой целью в Риме в 800 г. была «восстановлена» подконтрольная Папскому Престолу «Римская империя», получившая эпитет «Священной», во главе с франкскими, а затем германскими королями. Однако попытки императоров превратить это эфемерное образование в реальное государство вылились в острый конфликт с папством, которое, одержав победу, взяло исключительно на себя бремя цивилизирующего универсализма. «Великие понтифики» объединили в своих руках прерогативы как церковных, так и светских лидеров христианского мира, что выразилось, в частности, в восстановлении института Вселенских (буквально, Генеральных) соборов, инициатива созыва которых теперь целиком перешла к самим папам. Следует особо отметить, что в процессе трансформации универсалистской парадигмы в средневековой Западной Европе концепция «вселенскости» была в значительной мере потеснена концепцией «кафоличности» («католичности»). Греческое слово καθολικός со значением «всецелый» уже в эпоху Вселенских соборов тесно сблизилось со значением «вселенский»; однако, в отличие от последнего, оно было лишено какого-либо географического или политического наполнения, обозначая догматическую и организационную целостность, в противовес еретическим и раскольничьим сообществам. «Кафоличность» (в церковнославянском переводе — «соборность») включена в Никео-Константинопольский Символ веры как один из непременных атрибутов единой Святой

Апостольской Церкви, и именно в этом смысле входит в самоназвание Римской церкви — Ecclesia Catholica, не столько как конфессиональный идентификатор, сколько как оформление притязаний на универсализм. С догматической и канонической точек зрения, за пределами католической церкви истинных христиан быть не может, и тем самым принадлежность к «христианской вселенной» в ее средневековом западном понимании стала определяться вполне формально: признанием со стороны папы римского. Сама должность папы трансформировалась при этом из «первого из патриархов» в «наместника Бога на земле», осуществляющего и духовную, и светскую власть. Деформация прежней модели «симфонии» двух независимых начал, государственного и церковного, привела к формированию учения о «двух мечах» папы как «верховного понтифика», реализующего непосредственно полномочия Христа-Архиерея и опосредованно — Христа-Царя. Это означало не что иное, как отступление от фундаментального новозаветного принципа «неотмирности» Церкви Христовой и неприятия ею мирских представлений о власти как узаконенном насилии.

Такая оптика предопределила и форму отношений «католического универсума» как к грекоправославной «ойкумене», так и к ее центру — Византии. Последней было отказано в легитимности имперского статуса, а первой — в кафоличности и, соответственно, праве считаться частью христианского мира. Именно этими глубинными цивилизационными расхождениями, а не случайными обрядовыми, догматическими или иными разногласиями и конфликтами был вызван так называемый Великий раскол, формальной датой которого считается 1054 г.

Имперское и церковное пространство византийской «симфонии»

В отличие от папской модели христианского универсума, принципиально лишенной единого государственного организующего центра, византийская ойкумена сохранила ярко выраженное имперское ядро. Восточная часть Римской империи с центром в Константинополе, испытав серию катастрофических внешних ударов и внутренних кризисов, съежилась территориально до Малой Азии и Балкан, но внутренне стабилизировалась за счет усиления этнической, языковой и культурной гомогенизации. Бескрайняя римская «вселенная», Pax Romana, внешне фактически превратилась в национальное госу-

Император Никифор II Фока. *Средневековая миниатюра*

дарство, «Греческое царство» — в качестве какового и воспринимали Византию древнерусские наблюдатели. Однако внутренне «Новый Рим» отнюдь не утратил пафоса универсализма, довольно ловко сочетая весьма прагматичную внешнюю политику с неизменно декларируемыми претензиями на римское имперское наследие. И претензии эти воспринимались как вполне обоснованные: не только в греческом самоназвании (Ῥωμαῖοι), но и в языках ближайших соседей Византии на востоке — арабском (*ar-Rūm*), армянском (Հռոմ *Hrom*), сирийском (*Rhōmaye*) и др. — название империи не претерпело никаких изменений с позднеантичных времен, и даже тюрки-сельджуки, ставшие в XII в. хозяевами Малой Азии, не нашли ничего лучше, чем принять название «Рум» для своего собственного Конийского султаната. Не менее органично воспринимались и притязания Византии на лидерство в христианском мире. Манифестациями этих притязаний являлись, с одной стороны, изображение Самого Христа на аверсе золотых монет (как подлинного Царя, лишь временно замещаемого действующим «святым василевсом»), а с другой — титулом «вселенского (οἰκουμενικός) патриарха», который официально носил архиепископ Константинополя — Нового Рима. Последнее вызывало все возраста-

шее напряжение в отношениях с папой, чьи претензии на лидерство в христианском универсуме выглядели не менее обоснованными, а при взгляде с Запада и безальтернативными. Пока империя обладала Римом, она поддерживала статус пап как «главных патриархов» (но не «глав патриархов»); даже когда папы перешли под покровительство франков, восточные императоры и патриархи с уважением относились к авторитету преемников апостола Петра, заверяя их, что титул «oecumenicus» вовсе не значит «universalis», как его обычно переводят, но происходит от слова οἶκος «дом» и означает просто «домашний, местный»[13]. Однако ситуация изменилась к концу X в., когда Византия, укрепленная военными реформами (и, добавим, союзом с Русью), активно начала продвигать свои политические границы в восточном, северном и западном направлении, на территории, принадлежавшие когда-то Римской империи. Под власть «ромеев» вернулся один из древних патриархатов — Антиохия, их войска заняли Галилею и уже подступали к Святому граду Иерусалиму. В это время византийская «империя-вселенная» достигает пика своей универсалистской реализации, своеобразную программу которой можно найти в так называемом Послании Никифора II Фоки халифу аль-Мути (966 г.), в конце которого есть такие слова: «Я завоюю землю Божию, Восток и Запад, и разверну веру Креста, как развертывают чалму. Престол Иисуса — над небесами, и блажен тот, кого Он признает Себе близким в день Страшного суда!»[14] В данном случае не столь важно, кто был настоя-

[13] Так объяснили этот титул в Византии папскому послу Анастасию Библиотекарю в IX в., который писал папе Иоанну VIII: «Verum cum apud Constantinopolim positus frequenter Graecos super hoc vocabulo reprehenderem, et fastus vel arrogantiae redarguerem; asserebant, quod non ideo oecumenicum, quem multi universalem interpretati sunt, dicerent patriarcham, quod universi orbis teneat praesidatum; sed quod cuidam parti praesit orbis, quae a Christianis inhabitatur. Nam quod Graeci *oecumenem* vocant, a Latinis non solum orbis, a cujus universitate universalis appellatur, verum etiam habitatio, vel locus habitabilis nuncupatur. (Когда я, находясь в Константинополе, часто осуждал греков за это слово и упрекал их в тщеславии и гордости, то они возражали, что они не потому называют патриарха вселенским (oecumenicus) — что многие перевели словом universalis, — чтобы он был епископом над всем миром, но потому, что он имеет начальническую власть над одной из частей мира, в которой обитают христиане. То, что греки называют *икуменой*, у латинян означает не только «круг [земной]» (orbis), от всемирности которого и происходит название «вселенский», но также и всякое жилище или обитаемое место)». Patrologia Latina / Ed. J.-P. Migne. T. 129. Paris, 1879. Col. 197.

[14] *Розен В.Р.* Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского. СПб., 1883. С. 111–119.

Андроник III Палеолог. *Миниатюра XIV в.*

щим автором этого текста (имеющего форму арабской касыды и охотно использовавшегося исламскими проповедниками для мобилизации джихада)[15]. Идея «зеркального ответа» на священную войну мусульман отразилась и в попытке того же Никифора приравнять павших воинов к мученикам за веру. Однако данная инициатива была отвергнута Церковью по каноническим основаниям[16]. Православный универсум не совершил той ошибки, в которой впоследствии раскаивались католики, и не отступил от установленного Христом принципа неприемлемости насилия в деле распространения Благой вести о приближении Небесного Царствия.

Распространение христианства из Византии протекало, за редкими исключениями, в форме мирной проповеди, нередко осуществлявшейся по личной инициативе отдельных миссионеров, без явной поддержки со

---

15 *Grunebaum G.E. von.* Islam and Medieval Hellenism. London, 1976. Art. XIX. P. 47–50.

16 Правила святых Апостол и святых Отец с толкованиями. М., 2000 (репр.). С. 211–213.

Император Иоанн VI Кантакузин. Исихастский совет в Константинополе, 1351 г.
Миниатюра из «Теологических сочинений Иоанна Кантакузина, XIV в.

стороны официальных церковных и государственных структур. Характерно, что именно это отсутствие политического давления обеспечивало миссионерские успехи на наиболее перспективных направлениях. В IX–X вв. каноническая юрисдикция Константинопольского патриарха приросла целыми странами, среди которых оказалось и самое большое государство тогдашней Европы — Русь. Пример Руси особенно показателен, поскольку князь Владимир принял «греческую веру» по собственной инициативе, и притом в форме, нарочито унизительной для престижа Империи. И в дальнейшем русские князья, принимая из Царьграда митрополитов, подчиненных патриарху, всегда сохраняли полноту своего политического суверенитета. Такое размежевание церковного и политического планов, глубоко укорененное в самой христианской доктрине, имело благотворные последствия для распространения православной ойкумены. «Святые цари греческие» поминались за богослужением в русских храмах как символические лидеры христианского мира, но не как его политические суверены — и тем самым Византия находила свое признание в качестве ядра христианской цивилизации, объединяю-

щей суверенные государства в некое подобие «православного содружества»[17]. Это не мешало самим византийцам трактовать свое цивилизационное лидерство как форму «господства», а любые конфликты — как «восстания племен», вполне в римском имперском стиле[18]. Характерно, что этот претенциозный статус вождей всего христианского мира был признан за византийскими императорами и со стороны исламских правителей. Так, египетский султан Насир Мухаммад I титулует Андроника III Палеолога (1340 г.) следующими эпитетами: «столп христианской веры, отец крещеных, честь христианства, меч царства Македонского, мужество царства Греческого, царь Болгарии, Влахии и Алании, государь Росии, Иверии и турок, наследник царства римлян»[19]. Приведенная формула не является случайной, но была закреплена в дипломатическом протоколе, поскольку через восемь лет султан Насир Хасан приветствовал следующего императора Иоанна VI Кантакузина почти в тех же выражениях: «оплот веры и учения христиан, непоколебимый столп всех крещеных, заступник догматов Христовых, меч македонян, Самсон, царь греков, царь болгар, Асаниев, влахов, росов и аланов, честь вероучения ивиров и сирийцев, наследник царства земли своей»[20]. Даже делая поправку на традиционную для арабского Востока неумеренную пышность титулатуры, следует отметить, во-первых, признание за византийским императором статуса «столпа» и «оплота» христианской веры («гаранта ортодоксии»), и во-вторых, господства не только над «македонянами»[21] и греками, но и над болгарами, влахами (румынами), русскими, аланами, ивирами (грузинами) и сирийцами — народами, не входившими в границы палеологовской Византии, но исповедовавшими православие, а следовательно, с точки зрения мыслящих религиозными

---

17 В 1971 г. сэр Димитрий Оболенский предложил для этого феномена название «Byzantine Commonwealth», апеллирующее к постколониальной форме британской гегемонии. В русском переводе воспроизведен общепринятый русский перевод термина Commonwealth (*Оболенский Д.Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов / Пер. С.А. Иванова и др. М.: ВРС, 2012). Однако понятие «наций» едва ли адекватно в данном контексте.

18 К примеру, Михаил Пселл описывает военный конфликт Византии с Русью при Ярославе Мудром как «восстание (ἀνάστασις)» варваров (*Михаил Пселл.* Хронография; Краткая история / Пер. Я.Н. Любарского и др. СПб., 2003. С. 98).

19 Analecta Byzantino-Russica / Ed. W. Regel. New York, 1963 (repr.). P. 57–58.

20 Ioannes Cantacuzenus. Historiae / Ed. L. Schopen. T. III. Bonn, 1832. P. 94.

21 Обычное со времен Македонской династии именование византийцев в арабских источниках, апеллирующее к «македонскому наследию». Любопытно, что сам египетский султан называет себя «Александром нашего времени» (Analecta Byzantino-Russica... P. 58).

категориями мусульманских правителей, относящимися к «сфере ответственности» Константинополя.

Проект Готской митрополии: начало экспансии византийской ойкумены

Общие рассуждения о комплексной церковно-государственной природе византийского универсализма следует подкрепить конкретными примерами. Особое внимание обращает на себя регион Причерноморья, где в IX–X вв. происходит наиболее масштабное расширение христианской ойкумены. Здесь, на северо-восточном направлении, политические границы Византийской империи оказались наиболее разительно отличающимися от церковных границ Константинопольского патриархата, который в X в. включил в себя территории крупных независимых государств — Алании и Руси. Однако начало этого процесса цивилизационной экспансии в форме расширения церковной юрисдикции можно проследить примерно на век ранее. Речь идет о «проекте» Готской митрополии, следы которого сохранились в так называемой нотиции Де Боора (№ 3 в издании Ж. Даррузеса). Данный памятник, сохранившийся в кодексе Parisinus graecus 1555A, представляет собой список епископских кафедр, подчиненных патриарху Константинопольскому[22]. Среди митрополий мы встречаем кафедру Дороса (Δόρος), столицы так называемой Готии (Γοτθία) — территория Горного Юго-Западного Крыма, которая еще в период Великого переселения народов была заселена одной из групп готов и с VI в. была включена в орбиту Византийской империи. В 80-е гг. VIII в. здесь разворачивается один из эпизодов соперничества за влияние между Византией и Хазарским каганатом. Обе державы в это время не только находились в союзе против общего врага — Арабского халифата, но и имели династические связи: императоры Юстиниан II (685–695, 705–711) и Константин V (741–775) были женаты на хазарских принцессах, а сын последнего Лев IV (775–780) так и вошел в историю с прозвищем «Хазарин». В силу этого обстоятельства борьба Византии за влияние в Северном Причерноморье носила преимущественно дипломатический характер.

---

[22] Notitiae episcopatuum Ecclesiae Constantinopolitanae / Ed. J. Darrouzès. Paris, 1981. P. 241.

Одним из эпизодов этой борьбы и стал, по всей вероятности, план по созданию в Готии митрополии с центром в Дороссе, в задачу которой входила христианская миссия на огромной территории Хазарского каганата. Об этом можно заключить из тех топонимов, которые в нотиции фигурируют в названии «кафедр» (по всей вероятности, гипотетических), подчиненных Доросской митрополии: «[епископ] Хоциров (ὁ Χοτζήρων); Астиль (Ἀστήλ); Хвалис (Χουάλης); [епископ] оногуров (ὁ Ὀνογούρων); Ретег (Ῥετέγ); [епископ] уннов (ὁ Οὔνων); Тиматарха (Τυμάταρχα)[23]». В этом списке угадываются названия Волги (прототюркское Atil)[24], Хорезма (ср. древнерусское название Каспия: «Хвалисьское море»[25]), булгар-оногуров и гуннов, Гермонассы-Тмутаракани. Слово «Хоцирон» напоминает форму этнонима хазаров, Caziri, в латиноязычном памятнике начала IX в., так называемом Баварском географе[26]. В схолии к той же нотиции к Готской митрополии даны две справки: 1) «Хоцирон — по соседству с Фулами и Харасиу, то есть Черная вода» (что предполагает внутрикрымскую локализацию); 2) «Астиль — то есть река Астиль в Хазарии; но это — крепость»[27]. Трудно сказать, в какой степени данная схолия относится к основному тексту; да и сама нотиция Де Боора не производит впечатления официального документа: в ней слишком много явных ошибок и заимствований из внецерковной литературы (например, географического справочника Иерокла), что дало основание Ж. Даррузесу поставить под сомнение ее статус как «архивного документа»[28]. Однако, как бы ни трактовать статус данного источ-

---

[23] Именно в такой форме (через υ, которое в данную эпоху произносилось как ü) здесь впервые упоминается Таматараха (Тмуторокань русских летописей), что более близко к тюркскому названию *Tümen-tarxan*.

[24] У Феофана Исповедника — Ἄτελ/Ἄταλ/Ἀτελί (*Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана и «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 36, 38); у Константина Багрянородного — Ἀτήλ/Ἐτέλ (De adm. imp., cap. 37, 40). Эти формы ближе к чув. *Атăл*, чем к кыпчакским вариантам (тат. *Идел*, каз. *Еділ*). Диграф στ в Ἀστήλ — не описка, так как повторяется трижды; возможно, он отражает попытку передать особый характер оригинального звука (который отразился в чувашском как *т*, в татарском как *д*, в башкирском как *ҙ*, в калмыцком как *ж*, в монгольском как *ж*). Это предполагает, что информатором был носитель языка.

[25] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. IV. С. 229.

[26] *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники. М., 1993. С. 14–15.

[27] Notitiae episcopatuum... P. 245 (α΄ Χοτζίρων σύνεγγυς Φούλων καὶ τοῦ Χαρασίου, ἐνὼ λέγεται τὸ Μαῦρον νερόν. β΄ Ἀστήλ, ἐνὼ λέγεται ὁ Ἀστὴλ ποταμὸς τῆς Χαζαρίας, ἔστιν δὲ κάστρον). Вульгаризм «ἐνὼ» указывает на нелитературный характер информации.

[28] Notitiae episcopatuum... P. 33 («il serait contraire à la composition du texte de la traiter comme une pièce d'archives»).

Император Лев IV Хазар с сыном (слева), дедом и отцом (справа)

ника, его сообщение невозможно считать простой фантазией компилятора, поскольку оно находит косвенное подтверждение в несомненно официальном памятнике — актах VII Вселенского собора, состоявшегося в Никее в 787 г.

В нотиции Де Боора Дорос занимает 37-е место среди митрополий (между Иераполем Фригийским и сицилийскими Сиракузами)[29]. На VII Вселенском соборе кафедра Готии находится на 26–39-м местах в общем перечне епископов (число которых на разных заседаниях варьировалось от 256 до 339)[30]. Сложность заключается в том, что в соборных актах обычно не проводится различия между митрополитами, архиепископами и епископами (все они титулуются просто епископами). Однако в перечислении и подписях более или менее соблюдается порядок их старшинства. И достаточно высокие места, на которых упоминается Готия, указывают на весьма высокий статус ее предстоятеля Никиты (представленного на Соборе монахом Кириллом). Кафедры иерархов, упоминаемых по соседству с ним, в нотициях стоят либо в конце списка митрополий, либо в начале списка архиепископий. Учитывая информацию нотиции Де Боора, это заставляет предполагать, что уже в 787 г. Дорос представлял собой «молодую» митрополию.

Но как объяснить внезапное возвышение практически неизвестной ранее епископской кафедры на дальней периферии Империи до статуса

[29] Notitiae episcopatuum... P. 231.

[30] Concilium Universale Nicaenum Secundum / Ed. E. Lamberz (Acta Conciliorum Oecumenicorum, series 2; vol. 3). Berlin; New York, 2008–2012. Pars 1–2. P. 20, 200, 496.

митрополии? Особенно если учесть, что остальные крымские кафедры, в том числе такие древние и почтенные, как Воспорская и Херсонская, довольствуются более низким рангом архиепископий, деля в их списке 28–30-е места с впервые появляющейся в источниках Сугдеей[31]. Единственный возможный ответ был предложен уже В. Мошиным: скорее всего, мы имеем дело с неким миссионерским проектом, нацеленным на распространение христианства в самой могущественной в то время державе Восточной Европы — Хазарском каганате.

Это предположение находит подтверждение в еще одном источнике, составление которого относят к VIII в., — Краткой хронографии, известной как Аноним Маи. «Хазария» упоминается здесь среди областей, подчиненных патриарху Константинопольскому, в одном ряду с Херсоном, Абасгией и Халдией[32]. При этом сообщается, что этот же «святейший апостольский и патриарший престол... Первозванного среди апостолов Андрея и великого Богослова и Евангелиста апостола Иоанна» обладает «Европой и Азией в составе Римского царства», а также «всеми климатами севера». Это разделение представляется далеко не случайным: оно подтверждает, что Хазария — не входившая, разумеется, в «Римское царство», — уже рассматривалась как сфера канонической юрисдикции Константинополя.

Крещения Хазарии, однако, не произошло. Проект Готской митрополии так и остался нереализованным, и в нотициях X–XIII вв. Готия опускается до уровня титулярной архиепископии, заняв 3-е место среди крымских кафедр — ниже Херсона и Воспора, но выше Сугдеи и Фулл. Тем не менее задача миссионерского освоения «северных климатов» с повестки дня снята не была. И в конце X в., при всем известных обстоятельствах, Константинопольский патриархат прирастает, наконец, новой огромной епархией — митрополией Руси.

Пройдут века, и концепция универсализма увядшего Рима неожиданно начнет плодоносить на этой северной и «скифской» почве. В официальном Титулярнике 1672 г. мы читаем, что «Великих государей царей и великих князей Российских корень изыде от превысо-

---

31 Notitiae episcopatuum... P. 232.

32 Eusebii Chronicorum libri duo / Ed. Ph. Schoene. Vol. I. Berlin, 1877. Col. 81–82 (Δεύτερος ὁ ἁγιώτατος ἀποστολικὸς καὶ πατριαρχικὸς θρόνος Κωνσταντινουπόλεως καὶ νέας Ῥώμης, τοῦ πρωτοκλήτου τῶν ἀποστόλων Ἀνδρέου καὶ τοῦ μεγάλου θεολόγου καὶ εὐαγγελιστοῦ καὶ ἀποστόλου Ἰωάννου· περιέχων τε πᾶσαν τὴν τῆς Ῥωμαϊκῆς βασιλείας Εὐρώπην καὶ Ἀσίαν, μέχρι τῆς δυτικῆς Σικελίας καὶ τὰς Κυκλάδας, ἄχρι Πόντου, καὶ Χερσόνος, καὶ Ἀβασγίας, Χαλδίας τε καὶ Χαζαρίας, ἕως Καππαδοκίας, τὰ τοῦ βορρᾶ κλίματα πάντα περιλαμβάνων).

чайшего цесарского престола и прекрасноцветущего и пресветлого Августа Цесаря, обладающего всею вселенною»[33]. Россия предстанет не как «Третий Рим», пришедший на смену Риму и Константинополю, а как самодостаточное, «параллельное» Римской империи и Византии «вселенское» государство, региональное по характеру, но всемирное по своей миссии.

Перспективные методы исследования ойкумены

Изучение Византии нецелесообразно вести исключительно в рамках ее (весьма волатильных) политических границ, поскольку она представляла собой не государство в нашем понимании, а ядро цивилизации, ареал которой был значительно шире территории, контролировавшейся константинопольскими василевсами. Это ядро выступало, с одной стороны, «радиантом» смыслов и традиций, а с другой — организатором сложной периферийной инфраструктуры. При этом византийское цивилизационное влияние было способно «накрывать» уже существующие инородные центры, порождая на местах порой весьма любопытные «синтетические» феномены.

Методология исследования цивилизационной истории далеко еще не разработана. В частности, неясно, каким образом можно фиксировать и отображать границы «государств-цивилизаций» и степень их культурного влияния. При картографировании представляется перспективным использование точечно-зональной системы, обозначающей центры влияния (военные, административные, религиозные, культурные) и ареалы их идейной «радиации». Этот подход удобен и для отображения феноменов цивилизационного наложения и «реликтовых очагов», возникавших на пространстве византийской ойкумены в ходе оккупации Балкан славянами и Малой Азии тюрками. В первом случае византийские центры частично погибли, но местами возобладали и «просияли» через славянский фон; во втором — ушли в подавленное «тлеющее» состояние.

Под центрами влияния нужно понимать далеко не только города и иные поселения, но также монастыри, храмы и даже отдельные места поклонения. Не менее важен учет и таких «движимых» элементов цивилизационного влияния, как произведения искусства, книги, арте-

[33] Царский титулярник. М., 2008. Кн. 1. С. 4.

факты, а также идейные продукты — тексты, устные предания, художественные стили, технологии.

Особую проблему представляют изучение и формализация роли отдельных личностей как акторов цивилизационной трансляции. Данный феномен, малоизвестный Античности, получил особенно яркое распространение в христианстве, с его апофеозом личной святости. Святые (как живые подвижники, так и перешедшие в приснобытие) исторически явились мощнейшими трансляторами религии, подчас даже более значимыми, чем формальные институции.

Как результат, отображение цивилизационного ландшафта должно включать в себя физическую географию (терруар культуры), политическую географию в традиционном смысле, топографию цивилизационной инфраструктуры (центры пяти модусов цивилизации: военные, административные, религиозные, культурные, научно-образовательные), метагеографию (географическую фиксацию интеллигибельных феноменов). Все эти уровни связываются и на уровне динамической визуализации (время + место), и на уровне связей между сущностями.

REFERENCES

1. Analecta Byzantino-Russica / Ed. W. Regel. New York: Burt Franklin, 1963 (repr.).
2. *Chichurov I.S.* Byzantine historical works: «Chronography» by Theophanes and «Breviary» by Nikephoros [Vizantiyskiye istoricheskiye sochineniya: «Khronografiya» Feofana i «Breviariy» Nikifora]. Moscow: Nauka, 1980.
3. Conciliorum oecumenicorum generaliumque decreta. T. I: The Oecumenical Councils from Nicaea I to Nicaea II (325–787) / Ed. G. Alberigo, A.M. Ritter, L. Abramowski, E. Mühlenberg, P. Conte, H.-G. Thümmel, G. Nedungatt, S. Agrestini, E. Lamberz, J.B. Uphus. Turnhout: Brepols, 2006.
4. Concilium Universale Nicaenum Secundum / Ed. E. Lamberz (Acta Conciliorum Oecumenicorum, series 2; vol. 3). Berlin; New York: de Gruyter, 2008–2012. Pars 1–2.
5. Corpus Iuris Civilis. Vol. III: Novellae / Ed. R. Schoell et G. Kroll. Berlin: Wedimann, 1954 (6 ed.).
6. Eusebii Chronicorum libri duo / Ed. Ph. Schoene. Vol. I. Berlin: Weidmann, 1877.
7. *Ferluga J.* I confini dell'impero romano d'oriente: nozione e realtà // Popoli e spazio romano fra diritto e profezia. P. 378.
8. *Grunebaum G.E. von.* Islam and Medieval Hellenism. London: Variorum Reprints, 1976. Art. XIX. S. 47–50.
9. Ioannes Cantacuzenus. Historiae / Ed. L. Schopen. T. III. Bonn: Weber, 1832.
10. Klaudios Ptolemaios. Handbuch der Geographie / Hrsg. G. Grasshoff, A. Stückelberger. Basel: Schwabe, 2006.
11. *Klein E.* A Comprehensive Etymological Dictionary of the Hebrew Language for Readers of English. Jerusalem & Tel Aviv: Carta, 1987.
12. *Lanciotti F.* Lo spazio romano nella terminologia giuridica delle fonti giustinianee in lingua latina // Popoli e spazio romano. P. 351–363.
13. *Liddell H.G., Scott R., Jones H.S.* A Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1996 (9 ed.).

14. *Michael Psellos.* Chronography. Brief history / Transl. Ya.N. Lyubarsky and others [*Mikhail Psell.* Khronografiya. Kratkaya istoriya]. St. Petersburg: Aletheya, 2003.
15. *Nazarenko A.V.* German Latin-language sources [Nemetskiye latinoyazychnyye istochniki]. Moscow: Nauka, 1993.
16. Notitiae episcopatuum Ecclesiae Constantinopolitanae / Ed. J. Darrouzès. Paris: Institut français d'études byzantines, 1981.
17. *Obolensky D.D.* Byzantine Commonwealth of Nations. Six Byzantine portraits [*Obolenskiy D.D.* Vizantiyskoye sodruzhestvo natsiy. Shest' vizantiyskikh portretov]. Moscow: VRS, 2012.
18. Patrologia Latina / Ed. J.-P. Migne. T. 129. Paris: Migne, 1879.
19. *Polyakova S.V., Felenkovskaya I.V.* Anonymous geographical treatise «Complete description of the universe and peoples» [Anonimnyy geograficheskiy traktat «Polnoye opisaniye vselennoy i narodov»] // Vizantiiskii Vremennik. 1956. Vol. 8. P. 277–304.
20. *Rosen V.R.* Emperor Vasily the Bulgarian Slayer. Extracts from the chronicle of Yahya of Antioch [Imperator Vasiliy Bolgaroboytsa. Izvlecheniya iz letopisi Yakh"i Antiokhiyskogo]. St. Petersburg, 1883.
21. Rules of the Holy Apostles and Holy Fathers with interpretations [Pravila svyatykh Apostol i svyatykh Otets s tolkovaniyami]. Sibirskaya blagozvonnitsa. Moscow, 2000.
22. *Shifman I.Sh.* Caesar Augustus [Tsezar' Avgust]. Leningrad: Nauka, 1990.
23. Theophanis Chronographia / Ed. C. de Boor. Leipzig: Teubner, 1883. (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
24. *Vasmer M.* Etymological dictionary of the Russian language [Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka]. Moscow: Nauka, 1986.
25. Virgil / Ed. and transl. by H. Rushton Fairclough. Vol. I. London: Heinemann; New York: Putnam, 1916.
26. Virgil. Bucolics. Georgics. Aeneid [Vergiliy. Bukoliki. Georgiki. Eneida]. Moscow: Khudozhestvennaya literature, 1979.
27. Zars' Titles-book [Tsarskiy Titulyarnik]. Moscow: Drevlekhranilishtche, 2008.

Ключевые слова:

Византийская империя; государство-цивилизация; ойкумена; православное миссионерство; Крым; Готская митрополия.

Pavel V. Kuzenkov

THE EMPIRE-UNIVERSE AND ITS AREA. ON THE APPLICATION OF THE CONCEPT OF STATE-CIVILIZATION TO THE HISTORY OF BYZANTIUM

In modern science, the concept of «state-civilization» is being increasingly and fruitfully developed, which has recently been actively used in official documents. It is from this perspective that, in our opinion, one should analyze the phenomenon of the Byzantine Empire. This, in turn, poses non-trivial research problems that are relevant not only for historical science, but also for the study of modern civilizational processes. One of these tasks is the reconstruction of political and geographical ideas within which the formation and development of military-administrative and church institutions of the medieval Eastern Christian civilization — the «Byzantine world» — took place. Closely related to this task is the problem of identifying the dynamics of the relationships between the political, church and cultural plans in the historical geography of Byzantium.

Key Words: Byzantine Empire, State-Civilization, Ecumene, Orthodox Missionary, Crimea, Gothic Diocese.

Pavel V. Kuzenkov — C.Sc. (History), Senior Researcher of Historical-Archaeological Laboratory for the Complex Study of the Byzantine Black Sea Region, Associate Professor of the Department of «Social-Philosophical and Political sciences», Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University.

Кузенков Павел Владимирович

кандидат исторических наук, доцент кафедры «Социально-философские и политические науки», старший научный сотрудник Лаборатории Историко-археологической лаборатории по комплексному исследованию византийского Причерноморья, Институт общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета